

Каждый день по будням он выносит модные приговоры на Первом канале. В перерывах между модным судейством успевает писать книги о моде, читать лекции про моду, преподавать моду в своей школе, экскурсируя студенток по прекраснейшим городам Европы. К тому же он и сценограф, и учредитель различных премий и конкурсов! Но главное дело Васильева – это коллекция костюмов и аксессуаров. Ведь именно ради неё он работает как проклятый. Именно она должна и стать нашим будущим Музеем моды. Единственным. Музеем моды Александра Васильева.

Интервью: Татьяна Лебедева
Фото: Борис Хигрин
Визажист: Маша Татарникова

Александр

Васильев –

В МОДЕ «НАШЕ ВСЁ»

– Вы пришли со съемок передачи «Смак».

Что вы там готовили?

– Я участвовал в программе для украинского «Смака». Там тоже есть программа «Смакуемо», со своим ведущим, на украинском языке... Я готовил петуха в вине с диким рисом.

– Французское блюдо... Почему Франция, несмотря на старания Италии, по-прежнему считается столицей кулинарии и моды?

– Потому что у французов много вкуса, любви к истории, к собственной стране, того, чего у нас нет. И умение все это преподнести. Конечно, итальянцы поджимают, и французы видят в них конкуренцию в кулинарии, и в моде в том числе. Но каждый француз знает, что французская кулинария более изысканна, чем итальянская, и это никогда не поддается у них обсуждению. Так же как и качество французских вин в сравнении с итальянскими; хотя весь мир может об этом спорить, для французов это непререкаемая правда. И они транслируют свое знание на весь мир, потому что уверены в качестве и совершенстве любого продукта, сделанного во Франции. То, чего совсем нет в России. Мы готовы даже что-нибудь прорекламировать, но не уверены, что этот продукт действительно так хорош, касается ли это нашей футбольной команды или балетной труппы, что, казалось бы, должно быть очевидным. Касается ли это нашего модельера, или поп-певца, или любого продукта. Мы не вполне уверены, что по дороге чего-то не своруют, какого-то ингредиента не доложат и что это будет действительно так же прекрасно, как мы рассказываем.

– Нам вообще нужно указание от иностранцев, касательно всего.

– Я согласен с вами на сто процентов, но это случилось только в последние годы. Я не наблюдаю в российской культуре Серебряного века, до 17-го года, что это было так. Мы с такой мощью и гор-

достью экспортировали русское искусство, балет Дягилева, русскую оперу, художников! И вообще достижения нашей культуры были такие непререкаемые, что это считалось известным абсолютно всем. Но пришли поганцы большевики – они не только разорили всё, но и на этом пепелище насадили очень дешевую развлекательную культуру, которая проросла, культура-поп, культура – вульгарности, пошлости. И, к сожалению, сегодня мы не можем хвалиться нашими успехами на ниве мировой культуры как раз в области поп-пения, поп-танцев, поп-искусства, хотя в области классики мы все еще можем очень сильно конкурировать: многие талантливые певцы поют на оперных сценах мира, многие талантливые танцовщики чаще танцуют на Западе, чем у нас. Это может касаться даже некоторых модельеров, которые могут лучше устроиться на Западе, чем у нас в стране. Но все-таки не в таком мощном контексте, который был в начале XX века. Мы вот сейчас даже не можем сказать, есть ли у нас школа отечественной философии... Потом я не знаю, есть ли у нас сегодня видные российские поэты.

– Говорят, есть.

– Допуская их существование, я вижу их абсолютную непубличность.

– И ненужность?

– Возможно, и ненужность этому обществу. Меня поразила сводка распределения госбюджета: на культуру в этом году выделено 0,69%... Если мы не хотим людей знающих, умных, умеющих, мы скатимся в варварство и будем жить только телесными увлечениями. Я не хотел бы, чтобы о России

Черепашковый лорнет с золотым гербом.
Франция. 1880-е гг.

говорили, как о стране, где вкусно поели, хорошо выпили, здорово попарились в бане, затем очень хорошо провели время с публичными женщинами и легли на боковую.

– Кажется, заезжие кинозвезды – Деми Мур, к примеру, – так и говорят.

– Система ценностей – она у всех разная, но мерила, которые сейчас выставляются, меня лично совсем не устраивают. Но я живу в парадигмах современного общества и ем, что дают. Потому что понимаю, что моего одного желания недостаточно, хотя лично мне кажется, я делаю очень много, чтобы украсить этот мир и сделать его лучше, например пишу книги, делаю выставки, оформляю спектакли, читаю лекции, провожу выездные школы. Но мне кажется, одного Васильева недостаточно, чтобы это как-то изменить. И, конечно, думаю, что я повлиял на мировоззрение очень многих у нас в стране, и даже только тем, что участвую в «Модном приговоре», потому что люди стали по-другому относиться к одежде и, мне кажется, одеваться менее вульгарно.

– В одном интервью вы сказали, что много успеваете, потому что у вас нет трех «Т», так любимых мужчинами.

– Да, да: тахты, тапочек и телевизора. У меня нет тахты дома, нет телевизора вообще как факта.

– А в какой обуви вы ходите дома?

– Марокканские бабуши, из кожи, с острым носом, завернутым кверху.

– У вас и шлафрок [длинный домашний халат с запахом] имеется?

– У меня есть шлафрок, бабуши, марокканская феска, но главное, что, кроме них, у меня есть черный мопс, который украшает все вышеперечисленное и создает потрясающую атмосферу. Мопс спит со мной, очень не любит, когда я встаю, скажем, в 7 утра по будильнику, смотрит на меня как на сумасшедшего и думает: «С кем я живу? Спать еще надо, а он куда-то поднимается!»

– Как бы вы описали вашу манеру одеваться?

– Это вы должны сказать... В любом случае то, как я одеваюсь, влияет на вкусы. Люди смотрят и на мою оправу очков. Вот эта оправа [см. фото] по своей форме довольно классическая. И я вижу, огромное количество молодых людей в модных местах именно в очках с такой оправой, в шарфиках. Эту моду я не изобрел, но я ее явно тотализировал, провел в массы. Ведь прямо перед ней носили узкие очки в узких «хай-текских» оправках, которые сейчас совершенно вышли из моды. И все бросились покупать именно такие, и даже моя коллега по «Модному приговору» Эвелина Хромченко тоже перешла к такой оправе.

– А вы не находите, что в последние несколько лет очки стали носить больше, чаще?

– Я вам расскажу, почему. Очень многие молодые носят очки без диоптрий. Это действительно большая мода. Потому что сейчас мода вернулась в 80-е годы, которые отличаются геометризмом,

поэтому общая тенденция сейчас к оправкам типа Ray-Ban [Wayfarer], но носят их именно потому, что в них есть некоторая квадратность, она делит лицо на квадратные составляющие, а это условие моды сегодня. Если раньше стремились к более натуральным, например очкам без оправы, только стекла, которые остались в арсенале банкиров, музыкантов, то молодежь при моде сейчас бросается именно на такую форму. Конкретно в

Портмоне с вензелем и короной маркизы. Франция. 1880-е гг.

1. Визитное платье с турнюром. Германия. Начало 1880-х гг.
2. Платье с турнюром для смотрин дочери калужского купца. Россия. Начало 1880-х г. С этого платья в 1975г. началась коллекция А. Васильева

2011 г. такие геометричные оправы – хит сезона, это не значит, что это продержится долго, ведь мода прекрасна своей ветренностью, уже к осени появятся другие направления, и когда они появятся, я сменю очки.

– Вы любите детали национальных костюмов. Я видела Вас в русской косоворотке, украинских шароварах...

– У меня нет украинских шароваров. Они японские и действительно издали похожи на украинские. Представьте себе, это часть рабочей одежды японских строителей – я купил их в магазине хозяйственной формы в Токио... Я делал выставку в Японии, посвященную Дягилеву и моде, и в местечке Тама увидел, что строители ходят в таких шароварах. Спросил, где они их берут. Мне ответили: «Там же, где белые перчатки для таксистов». Все таксисты в Японии ездят в белых перчатках, они не касаются ни руки, ни руля без белых нитяных перчаток. Меня привезли в этот магазин, и я их купил, кажется, они стоили порядка сорока евро.

– Кто, на ваш взгляд, самый талантливый западный дизайнер?

– Нет «самых». «Самых» не существует. Понимаете как: каждое время, каждое десятилетие имеет свои таланты. Как историк моды, я по каждому десятилетию XX и XIX века дам вам десять имен. Если говорить о десятке современников, это будет Джон Гальяно, как бы его ни умаляли, Карл Легерфельд, каким бы старым он ни казался, Кристиан Лакруа, Альбер Альбаз, который работает для Lanvin, Оливье Тейскенс, который делает потрясающие модели то для Nina Ricci, то для других домов. Конечно, Вивьен Вествуд, хотим мы этого или не хотим. Конечно, пожилой японец Йоджи Ямомото.

– А из российских кого бы выделили?

– Среди очень талантливых я бы назвал Кирилла Гасилина, Арнольда, [Виктор] Газинскую, Константина Гайдая; в Петербурге потрясающе работает Олег Бирюков. Очень хорошо работают Нина и Донис.

– Как вы оцениваете мир российской моды в целом?

Они молодцы, они сделали очень большой прогресс в XXI веке. Во-первых, они организовались, хотя и в смешанные, но в Недели моды. Две Недели – это невозможно, надо одну. Но у нас очень мелкопоместническое, боярское представление о действительности. Во-вторых, у нас очень мало дизайнеров, которые работают не в режиме ателье, а которые действительно выпускают массовые серии одежды. Это очень редко. Среди тех, кто это делает, я нахожу Кирилла Гасилина потрясающим; куда ни приду – все в Кирилле Гасилином... Но отечественная мода будет всегда грешить тем, что у нас нет отечественной обуви, оправы к очкам. Может быть, есть отечественные ювелиры, но они не в тенденции. У нас практически нет отечественного белья, это не на уровне. У нас практически нет знаменитой парфюмерии, хотя есть фабрики, но никто не стремится пользоваться их продукцией, имею в виду, из модных людей.

– Нет флёра аромата?

– Нет флёра аромата и нет истории. Они глупы тем, что вместо того, чтобы сохранить старинные

названия, скажем, Brocard, они все перешли в «Новую Зарю» какую-то... Кому это интересно? Кому интересно душить продукцию «Новой Зари»? Или «Свободы»? Это смешно. Или одеваться на фабрике «Большевичка»? Они не понимают, что этими названиями, во-первых, антикоммерческими, они отпугивают клиента. Представьте, мне сообщают, что на фабрике «Большевичка» шьют потрясающие, наизыянтнейшие мужские костюмы и пальто. Не хочу ли я примерить? Я уже говорю: не хочу, потому что я не хотел бы, раздеваясь на вешалке, чтобы у меня было написано «Большевичка». Только поэтому.

– Каковы ваши прогнозы на моду начавшегося десятилетия?

Я думаю, что Азия победит во всем, женщины будут гораздо более закрытыми. Уже умер галстук, а следующим умрет воротник у рубашки – мы все перейдем к воротникам-стойкам типа пакистанских и индийских. Брюки типа шаровар и с низким седалищным швом, которые уже носит вся молодежь, победят во всем – и мы будем ходить коротконогими и широкими, как свойственно азиатской моде. Думаю, что брюнетки победят всех блондинок. Мы будем все больше

подчеркивать нашу связь с Азией и отдаленность от Европы. Потому что Азия в России будет везде. Наша европейская сущность не вынесла конкуренции, мы привезли сюда Среднюю Азию, в то время как во Франции привезли арабов из Марокко и Алжира, и они уже никуда не уедут... В нашей стране огромное количество волжских, нерусских народов: татары, башкиры, мордва, да что я буду говорить, их очень много, и это тоже и их страна! Они будут развиваться, они рожают детей, а мы не можем родить, у нас нет института семьи как такового, и когда на «Модный приговор» приходит женщина и говорит, что у нее 12 детей – фурор в студии...

– Вопрос, который, видимо, вам изрядно поднадоел: советы женщинам, которые хотят выглядеть стильно?

– Это индивидуальные советы. Первое: хотя бы прочесть мою книжку «Я сегодня в моде», где я только и даю советы. Второе: купить зеркало в пол, чтобы не смотреть только на физиономию, думая о том, что я такая хорошенькая, а всё остальное неважно. И смотреть на себя и со спины, и спереди. То есть критически себя оценивать. Ужасно, когда женщина выглядит престарелой Барби, ужасно, когда молоденькая девушка старит себя гримом, высокими каблуками, хочет сделать из себя бывалую женщину. Тоже не годится. Золотая середина здесь ни при чем. Я советую всем женщинам прожить прекрасно каждое десятилетие своего возраста. И не говорить в сорок: ой, как жалко, что мне не 30 или не 20... Жить прекрасно в каждое десятилетие, находить радости в каждом моменте своей жизни и не все привязывать к сексу. Это ужасно, когда женщина думает: «Кто на меня позарится!» Да, может, никто и не позарится, но зато у вас есть время посадить цветы, погулять с собакой, приготовить вкусный обед, поболтать с подружками, сходить в музей и поехать в путешествие за границу. Не всё сводите к постельным отношениям, женщины, ни в коем разе!

– А что посоветуете джентльменам?

– Джентльменам тоже не грустить, если приходит

мужской климакс. Он тоже приходит, и он страшнее, чем женский. Быть добрее, разнообразнее, открытее, более толерантными, веротерпимыми... Советую каждому помнить, что он хозяин своей жизни, своего положения, поэтому посоветовал бы так жить, чтобы было не горько в конце, и не стыдно за содеянные глупости. Вот я сейчас в таком возрасте, что могу сказать, что мне не стыдно ни за один год моей жизни, это удивительно, и я могу рассказать любому журналисту любые подробности из моей теперешней и прошлой жизни. Я горжусь тем, что сделал, чего достиг и тем, что сейчас делаю. У меня от этого корона не выросла, только прибавились очки. Но я очень рад, что я их ношу. Мой папа всегда носил очки. Ему это очень шло. И мама носила очки.

– Ваша потрясающая воображение коллекция одежды – это дорогое удовольствие.

– Дорогое удовольствие, но я очень рад, что мне делают дары. К примеру, вчера мне передали часть гардероба Татьяны Шмыги. Сейчас я работаю над тем, чтобы мне передали хотя бы часть гардероба Людмилы Гурченко, потому что это все уйдет, поймите!

– Когда ближайшая выставка вашей коллекции в России?

– Ближайшая – в июле в Петербурге. Она будет посвящена моде 80-х годов. А затем в декабре 2011 года будет большая выставка в музее Царицыно (Москва). Она будет называться «Мода за железным занавесом. Из гардероба советских звезд». И там будут выставлены костюмы Лидии Смирновой, Ольги Лепешинской, Галины Улановой, Майи Плисецкой, Татьяны Шмыги, Людмилы Зыкиной, Натальи Фатеевой, Клары Лучко.

– А что вам наиболее дорого в своей коллекции?

– Я сам самая дорогая часть коллекции, без этого мотора ничего бы не было сделано. Я знаю, как составлять коллекцию, как ее хранить; на меня работают 12 реставраторов в России и за границей. Они реставрируют мою живопись, декоративно-прикладное искусство, ткани, вышивки,

Очки в стальной оправе и очечник, вышитый бисером. Италия, 1830-50 гг.

украшения – это огромная работа. При этом у меня не безумные бюджеты. Если интересно, три дня назад в Лондоне я купил более 70 платьев на аукционе: Dior, Givenchy, Balmain – великолепные модели второй половины XX столетия. До этого, в Нью-Йорке, на распродаже Бруклинского музея, еще 60 платьев – я покупаю помногу. Дальше: на распродаже одного французского замка я купил коллекцию костюмов XVIII столетия. Сейчас в США я еще поставил на массу новых нарядов, но это аукционы, никогда не знаешь, купишь или нет – тебя могут переплюнуть, а у меня есть ограничения в бюджете. Если бы я этого не делал, это бы не делал никто!

– Но это же сумасшедшие объемы! Ваше хранилище...

– Огромное. У меня несколько десятков кубометров в Париже. Сейчас мне предлагают большое хранилище в Литве. А в России не предлагают. И я знаю, почему. Сказать?.. Из-за жен чиновников: «А че это я должна на чужую Chanel смотреть, когда у меня своя в шкафу?»

– Но ведь это не для них.

– А они не понимают. У них недостаточно широты души... Ну, например, недавно в Лондоне продавалась большая коллекция (не упадите со стула!) костюмов Бакста для [русских сезонов] Дягилева... Ни один русский музей не приехал их покупать! Я смог купить только один, остальные уехали в Швецию, в Музей танцев. Но я счастлив, пусть не в Третьяковке – им не по профилю, но это останется

1. Вечернее макси-платье от-кутюр, Pierre Cardin, 1973 г., из гардероба Майи Плисецкой
2. Вечернее мини-платье, Москва, 1970-е гг., из гардероба Галины Брежневой
3. Сумка из кожзаменителя, Польша, 1970-е гг., из гардероба Людмилы Гулевич

в Швеции – достойная страна, там они не пропадут. У меня уже восемь костюмов Бакста, это будет девятый... И когда я устрою свой музей – всем мало не покажется. И все скажут, какой молодец Васильев, что он не прогулял, не проиграл в рулетку, не потратился на дорогие автомобили! Сейчас, например, я езжу на «Мерседесе» пятисотом, очень дорогим, но это подарок «Мерседеса», они меня спонсировали, и я им безумно благодарен.

– По поводу темных очков и их ношения в помещении...

– Люблю очень их. Всегда пользуюсь. Но в помещении это немножко неуместно, и я не очень ценю, когда женщины носят их в виде кокошника, особенно если они усыпаны стразами, но я понимаю, почему: они близки подспудно к крестьянским традициям, хотя это и отрицают, но кровь требует, им хочется кокошник на голову – и они заменяют его очками. Это только в России – это реинкарнация кокошника, потому что у нас представление о женщине, что она должна быть царев-

на-лебедь. А как сделать царевну-лебедь с нашими условиями? Или бантик на обруче, или очки в стразах – и сразу корона. Это и есть образ царевны-лебедь – вот муклы это и носят. Знаете, кто это – муклы? Это женщины, которые как куклы себе губы делают, ботокс, силикон... Научный термин.

– Вы предрекаете конец гламура. А что же будет с муклами?

– Да, гламур уже скукожился. Сейчас будет этнос, романтика 80-х годов, 90-е годы, гранж... всякое будет. Но не гламур.

– Все-таки есть ли у нас иконы стиля?

– Рената Литвинова, Эвелина Хромченко. Ксения Собчак стильно одевается, она себя ведет немножко вульгарно, но я никогда ее не буду за это критиковать... Я никогда не сужу других людей... Хороший совет от Васильева: не судите – и не судимым будете. Я ни разу в жизни не комментировал ничьи слова, даже того протоиерея, который сказал, что женщины у нас должны ходить в длинных юбках, как мусульманки. Я не знаю, в каких обстоятельствах это было сказано. Дай Бог ему счастья, у нас все равно так не случится никогда – у нас население сплошные женщины, вообще не будет деторождения, если они не будут чуть-чуть попой крутить. У нас мужчины апатичны. Вы же бывали в Италии, во Франции – как там на вас реагируют мужчины?

– Спрашиваете!.. Незамеченной пройти невозможно.

– А у нас ходи – не ходи. Женщина может соблазнить, только если сама этого захочет: пойдет в клуб, увидит там какого-то, добьет его, но редко, когда это инициатива мужчины.

– Есть ли то, чего вам не хватает?

– Всего хватает. Даже всего слишком много, слава тебе, Господи... Если честно, не хватает подсобных помещений для хранения коллекции, вот это я бы с удовольствием принял в дар от ваших читателей [заливается смехом]. Ну это ж можно сказать! Чего не хватает Васильеву? Подсобных помещений для хранения. Хороший финал.